

## РОЛЬ ООН В СИСТЕМЕ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

Рассматривается изменение образа ООН в контексте дискуссий историков и политиков о характере полномочий и статусе организации. Автор указывает на причины и результаты эволюции различных подходов к оценке ООН, ее роли в системе нового миропорядка, детерминированные как объективным изменением повестки дня международной безопасности, так и характером политического дискурса исследователей в рамках постмодернистской парадигмы. Делается вывод о том, что изменения в структуре, функциях и повестке дня ООН свидетельствуют о переходном характере организации как институционально-правовой основы нового миропорядка и органа глобального управления.

**Ключевые слова:** демократический транзит; ООН; новый мировой порядок; глобальное управление; эпоха Постмодернити; международные отношения.

Первоначальный импульс концепциям нового миропорядка был задан осмыслением отечественной и зарубежной наукой характера международных отношений после окончания холодной войны в категориях транзитологии, использующей приставку «пост» для обозначения переходных этапов развития как отдельных социально-политических систем, так и мира в целом [1. С. 14–15].

Концепт нового миропорядка (глобального порядка, миропорядка эпохи Постмодерна) был создан представителями неолиберального конструктивизма и преемственно связан с теорией демократического транзита. Данная теория была адресована в первую очередь посткоммунистическим режимам, занятым поиском собственного места в международной политике в условиях системных преобразований, последовавших за падением «железного занавеса», Берлинской стены, разрушением институциональных и нормативных основ социалистического содружества в лице ОВД и СЭВ [2. Р. 116].

Акцент теории демократического транзита на либерализации политического режима как обязательном компоненте процесса системной модернизации разделил политическое пространство новой эпохи на мир отсталого тоталитаризма и либеральное сообщество как символы конкурирующих друг с другом альтернатив современного развития, удачно заменившие прежнюю дихотомию Востока и Запада в дискурсе мировой политики.

Альтернативой прежней концепции миропорядка, основанной на уверенности в том, что смысл и вектор мирового развития определяются интересами ее лидеров или даже единственного гегемона, стала стратегия мультикультурализма. Она сформировала образ нового мира как совокупности самых разных траекторий и динамики социокультурных изменений, определенных соблюдением двух неперемennых условий сотрудничества народов в процессе конструирования современного миропорядка – уважения самобытности и самостоятельности (суверенности) различных акторов мировой политики. Данная модификация постмодернистского дискурса глобализации делала акцент на множественности участников взаимодействия в рамках современной мировой системы. Ее создатели исходили из того, что характер развития каждой страны во все большей степени определяется воздействием мир-системных трендов. В эпоху Постмодернити глобальная повестка дня мирового сообщества фор-

мируется не конкурирующими идентичностями, а приоритетной для всех проблемой безопасности. Это означает, что критерием цивилизованности / современности / адекватности состоянию международного окружения становится способность конкретного общества, страны или народа жить не только собственными, но и общими проблемами, выходя за рамки своего локального модуса бытия в процессе взаимовыгодного и конструктивного взаимодействия [3. С. 56–57].

Предлагаемая конструкторами демократического транзита концепция многосоставного международного сообщества должна была устранить дихотомию восприятия современного мира как театра военных действий уникального и универсального, локального и всеобщего, делая участниками международного взаимодействия развитые и развивающиеся страны, традиционные и модернизированные сообщества. Казалось, что возрождение национально-культурного шовинизма и фундаментализма, отбрасывающего мир к «темным векам Средневековья», в мире Постмодернити невозможно в принципе.

Многомерная оптика нового мира должна была изменить и повестку дня мировой политики. Проблемы разоружения и ограничения вооружений, создания систем коллективной безопасности, нераспространения ОМУ, механизмов контроля за соблюдением международных договоренностей – эти и другие вопросы, еще недавно имевшие статус стратегических, оказались вытесненными на периферию глобальной политики. Статус глобальных обрели проблемы противодействия нелегальной миграции, наркотрафики, коррупции и отмыванию нелегальных доходов, обеспечения безопасности международных пассажирских и грузопотоков, международного сотрудничества в борьбе с эпидемиями и пандемиями, словом, все то, что затрагивает интересы частных лиц. Подобную «приватизацию» мировой политики исследователи связывали со сменой ее главных участников, полагая, что место солдата и дипломата на ее сцене заняли турист и террорист [4. Р. 630–631].

Признание множественности участников глобальной политики, плюрализма отстаиваемых ими интересов и ценностей в системе международного взаимодействия скорректировало представления о траектории развития глобальной цивилизации. Понятие «демократический мир» в работах международных экспертов стало как свойством самой мировой политики, так и маркером новой технологии управления международными

ми процессами – стратегии «вовлечения», предусматривающей добровольное участие в принятии решений по глобальной повестке дня самых разных ее акторов. «Демократический мир» девальвировал значение эксклюзивного в мировой политике. Глобальная по своим движущим силам и направленности, она поставила под вопрос саму возможность доминирования на ее сцене обладающих уникальными возможностями игроков, независимо от предлагаемых ими обоснований (исторических, экономических, морально-психологических, институциональных) собственной исключительности. Различные модификации концепции демократического мира, предлагаемые в качестве альтернативы теориям устойчивой гегемонии, баланса сил, однополярной системе мировой политики, выражали понимание новой природы интерактивной коммуникации между различными доменами и акторами мировой системы и, тем самым, отрицали возможность централизованной формы управления международными процессами [5. Р. 293].

Такое понимание конфигурации нового миропорядка способствовало возрождению интереса к проекту «всемирной федерации народов» И. Канта, основанному на универсальной ценности стремления к всеобщему миру и экономической безопасности. Не случайно конфликт интерпретаций кантовского трактата «О вечном мире» сконцентрировался вокруг понимания немецким философом нормативно-правовой базы нового миропорядка [6. С. 86–87].

Отталкиваясь от просвещенческой интуиции «вечного мира», неоллибералы усматривали в таких международных организациях, как ООН, ЕС, СБСЕ, Международный Суд ООН, Международный Уголовный суд, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), реальные контуры «всемирного гражданского состояния», т.е. мирового сообщества народов, связанных единством целей и ценностей устойчивого и безопасного развития. По мнению конструкторов мирового правопорядка, «всемирно-гражданское состояние публичной безопасности» уже реализовано в полномочиях международно-правовых институтов и органов Организации Объединенных Наций. Все они отражают базовые признаки политической культуры и моральные стандарты либеральной демократии: плюрализм, уважение прав и свобод человека, склонность к компромиссам и достижению консенсуса по общезначимым проблемам, открытую и гласную политику, неукоснительное следование законам и принятым на себя международно-правовым обязательствам [7. С. 266].

Итоги дискурса нового миропорядка как формы управления современными международными процессами определили характер дискуссии по вопросу о роли в нем Организации Объединенных Наций. По мнению ряда исследователей, за время, прошедшее после создания организации в 1945 г., она не претерпела радикальных изменений, отражая исторические обстоятельства своего возникновения в условиях безусловного доминирования в ней стран антигитлеровской коалиции. Вот почему сейчас, как и прежде, она парализована противоречиями национальных интересов и ценностей ее государств-основателей настолько,

что не в состоянии предпринимать каких-либо действий, не соответствующих букве Устава [8. Р. 16–18].

Продолжавшийся в течение всей послевоенной истории процесс возвышения и упадка наций, который увеличил представительство в ООН с 51 до 193 государств-членов, до сих пор не получил адекватного отражения в структуре и принципах ее деятельности. Единственное признание организацией изменений политической карты мира произошло в 1965 г., когда число членов Совета Безопасности было увеличено с 11 до 15. Несоответствие Совета Безопасности своему статусу гаранта всеобщего мира объяснялось неизменными полномочиями внутреннего круга постоянных членов. По мнению некоторых экспертов, это свидетельствует как о безосновательном приписывании себе способности воздействия на мировые процессы, так и о пренебрежении мнением международной общественности. Некоторые из государств-обладателей права вето демонстрируют, тем самым, наглядный пример «исторической инерции», стремясь сохранить прежние роли и правила (в данном случае – Ялтинско-Потсдамской системы мира), невзирая на изменения как структуры нового миропорядка, так и своего статуса в нем [9. Р. 272–273].

За последнее время существенно изменился сам характер угроз всеобщему миру и безопасности: многочисленные конфликты происходят сегодня уже не между суверенными государствами на почве пограничных и территориальных разногласий, а разворачиваются внутри государств, принимая форму гражданских войн, межконфессиональных и межэтнических столкновений. Благодаря принятой на Всемирном саммите 2005 г. доктрине «ответственности по защите» изменилось представление о приоритетах и формах обеспечения всеобщей безопасности. Усилия ООН должны быть направлены на обеспечение гуманитарной или личностной безопасности, т.е. на защиту людей (в первую очередь гражданского населения), а не суверенных государств, от агрессии, геноцида, бедности, экологической опасности и экономических рисков [10].

Исходя из понимания новых вызовов и угроз мировому сообществу, превентивную дипломатию и миротворческие операции Организации Объединенных Наций следует признать недостаточно эффективными, так как компетенция ООН пока не позволяет ей стать управляющим органом мирового сообщества, институтом глобального управления. Тем самым, сегодня ООН рискует повторить судьбу своей предшественницы – Лиги Наций, не сумевшей предотвратить Вторую мировую войну, по окончании которой мир почти сразу же столкнулся с противостоянием держав в холодной войне.

Вместе с тем у Организации Объединенных Наций сохраняется шанс на то, что третья попытка создания в ее лице органа глобального управления окажется более успешной. Надежды на адаптацию ООН к меняющимся глобальным обстоятельствам связывают с изменением повестки дня этого «международного форума». Организация способна привлечь внимание самых разных акторов нового миропорядка к обсуждению проблем нелегальной миграции, увеличения

числа беженцев и вынужденных переселенцев в результате локальных конфликтов; состоянию окружающей среды и меняющегося климата; вопросам борьбы с наркотрафиком и распространением оружия массового поражения в так называемых несостоятельных государствах [11].

Подобное превращение организации в широкий политический форум, на котором конкурируют различные модели и подходы к обеспечению международной безопасности, делает ООН институциональным выражением международного сообщества, главным участником процесса выработки норм и инновационных решений в системе нового миропорядка [12. Р. 36–37].

Признаком формирующейся новой политической культуры ООН аналитики считают все большую озабоченность большинства ее членов проблематикой прав человека и демократического правления. По этим вопросам государства все более склоняются к признанию того, что все происходящее в данной сфере легитимно становится общим делом. В итоге глобальная политическая культура ООН основывается на понятии сопутствующих юрисдикций, когда первоочередные задачи по защите прав человека и демократии сохраняются за отдельными государствами, а Организация Объединенных Наций имеет право подключаться к их выполнению даже с использованием силы, только если сами государства не выполняют своих обязательств в этой области.

В контексте дискуссий о трансформации политической культуры ООН активизировались попытки разрешить объективно существующие противоречия между фундаментальными принципами международного права: правами человека и государственным суверенитетом; правом наций на самоопределение и принципом территориальной целостности государств. Противоречие существует и на нормативном уровне между пунктами 1 и 7 статьи 2 Устава ООН.

С одной стороны, суверенное равенство трактуется как абсолютное право, с другой – как ограниченное ситуацией «любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии». В этом смысле Устав ООН вносит свои аргументы в доктрину «ограниченного суверенитета». Очевидно, что внесение в Устав пункта 7 во многом носило конъюнктурный характер, было обоснованием готовящегося Нюрнбергского процесса и последующей денацификации Германии. Однако объективные регулирующие свойства этого положения более существенны, чем это предполагалось в 1945 г., и сегодня могут быть применены против неопределенного круга международных субъектов.

Подобный сдвиг в деятельности ООН служит важным показателем большей, чем прежде, готовности государств к многостороннему сотрудничеству с нею в решении проблем мира и безопасности. ООН пока не стала символом мирового правительства, но уже достигла такой стадии своего развития, когда государства ищут ее одобрения за те действия, которые еще недавно считались их суверенными прерогативами.

Главной движущей силой транзита ООН в направлении адаптации к вызовам глобализации считаются

МНПО – международные неправительственные организации. Они не обременены инерцией истории и сложившихся образцов поведения на международной арене, а потому активно осваивают новые сферы международной коммуникации, содействуя становлению новых отраслей и институтов международного права. Наиболее существен их вклад в дело расширения и содействия демократии посредством мониторинга выборов, контроля за соблюдением прав человека, содействия размещению беженцев и вынужденных переселенцев и т.д. Центральная роль МНПО в мировом политическом процессе проявляется в их регулярном участии в конференциях ООН по вопросам состояния окружающей среды, проблемам устойчивого развития, прав человека. Члены МНПО официально представлены в таких структурах Организации, как МОТ, ОЭСР, ЮНЕСКО, ЭКОСОС.

Существенным результатом участия МНПО в деятельности органов организации стало появление у нее новой функции – международного банка информации, производной от информационно-аналитических и контрольных функций различных ее органов. Различные органы ООН осуществляют мониторинг уровня взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах, определяя, тем самым, степень эффективности применения конвенциональных норм международного права, регулирующих взаимодействие в сфере обеспечения всеобщей безопасности. Формирование повестки дня основных органов организации (в лице Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности), а также проектов и рекомендаций специальным и вспомогательным органам ООН (МАГАТЭ, Комиссии Международного права, Комитета по правам человека) невозможно без осуществления этой функции.

ООН в состоянии предоставлять разнообразную, а главное, обработанную по единой методике информацию глобального (т.е. значимого для всех акторов международных отношений) характера. Эффективность выполнения ООН функции информационного банка определяется не только доступностью созданных ею ИБД для всех государств (а не только для членов ООН), но и относительной дешевизной информационного капитала ООН. Кооперация множества участников, которые предоставляют организации фрагментированную информацию, а получают от нее взамен систематизированную (агрегированную), существенно снижает их транзакционные издержки, делая информационное сотрудничество членов ООН по-настоящему взаимовыгодным.

Заслугой МНПО, участвующих в деятельности ООН, можно считать поставленную ими проблему «дефицита демократии» в деятельности международных межправительственных организаций и на глобальном уровне принятия решений в целом. В условиях широкого распространения ценностей демократии и прав человека требование МНПО сделать прозрачным процесс принятия решений за счет выработки четких процедур воспринимается как голос мировой общественности [13. Р. 22–23].

По многим ключевым проблемам мировой политики до сих пор нет четких ответов на вопрос о том, кто формирует повестку дня ООН, выделяя приори-

тетные проблемы мирового развития, кто обеспечивает финансовые, материальные и кадровые ресурсы для решения глобальных проблем, кто применяет силу к нарушителям норм международного права. Решения, как правило, принимаются должностными лицами ООН и многочисленной бюрократией ее структурных подразделений, не считающих себя обязанными отвечать, чьи интересы они продвигают. Тем самым, МНПО выполняют не только функцию общественного контроля за принятием решений по глобальным вопросам, но и выступают в роли своеобразных сдержек и противовесов по отношению к государствам как главным акторам традиционного миропорядка.

Конструктивная роль МНПО в переходе к новым принципам деятельности ООН проявляется в обнаружении ими альтернативных путей разрешения глобальных проблем на конференциях по вопросам экологии, прав человека, народонаселению, в обеспечении информацией, предложениях обсуждения новых направлений и путей международного сотрудничества. Таким образом, МНПО как негосударственные участники мирового процесса не только заполняют пробелы в международном праве, которые нацио-

нальные правительства и наднациональные структуры не могут заполнить сами, но и во многом корректируют повестку дня глобального сообщества [1].

Итогом размышлений о месте ООН в системе нового миропорядка следует считать признание ООН организацией переходного типа. С одной стороны, Организация Объединенных Наций является структурообразующим элементом классической системы международных отношений, основанной на принципах суверенного равенства входящих в нее государств, с другой – демонстрирует стремление адаптировать свою структуру и функции к вызовам глобализации. В итоге сегодня ООН принадлежит двум мирам глобальной политики – исторически сложившейся мир-системе государств и становящейся системе нового миропорядка. Таким образом, ООН способна стать мостом через пролив, соединяющим два мира мировой политики, обеспечив доступ МНО и отдельным индивидам в мир – систему государств и доступ национальных государств в многополярный мир, способствуя созидательной конкуренции различных способов обеспечения мира и безопасности, прав и свобод человека.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Ивонина О.И. Транзитивность как предмет исторического дискурса // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе / отв. ред. М.В. Удальцова. Новосибирск, 2000. С. 14–30.
2. Crawford G. The World Bank and Good Governance: Rethinking the State of consolidating Neo-Liberalism? // The IMF, World Bank and Policy Reform. New York, 2006. 356 p.
3. Ивонина О.И. Конфликт и консенсус в американской теории международных отношений рубежа веков // Историческое знание в системе политики и культуры : материалы IV Междунар. науч. ист. чтений памяти профессора В.А. Козюченко / под ред. Е.Г. Блосфельд. Волгоград : Перемена, 2005. С. 56–62.
4. Slaughter A.-M. Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform // American Journal of international Law. 2005. Vol. 99, July. P. 619–631.
5. Ikenberry J. After Victory. Institutions, Strategic restraint and Rebuilding of Order after Major Wars. Princeton : Princeton University Press, 2001. 312 p.
6. Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Левиафан в поисках миропорядка. Проблема международной безопасности в работах Т. Гоббса и И. Канта // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 78–88.
7. Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Проблема международной безопасности в политической теории И. Канта // Вестник НГУЭУ. 2014. № 3. С. 258–268.
8. Glennon M.J. Why the Security Council Failed? // Foreign Affairs. 2003. Vol. 82, № 3, May–June. P. 16–35.
9. Status in World Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 2014. 324 p.
10. Глобальные вопросы повестки дня ООН. URL: [www.un.org/ru/globalissues/index.shtml](http://www.un.org/ru/globalissues/index.shtml) (дата обращения: 27.02.2017).
11. Предполагаемые стратегические рамки на период 2016–2017 годов. URL: [https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ\\_Sessions/CCPCJ\\_23/\\_A-69-6-Prog13/A-69-6-Prog13\\_R.pdf](https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_23/_A-69-6-Prog13/A-69-6-Prog13_R.pdf).
12. Staur G. Shared responsibility. The United Nations in the Age of Globalization. Montreal : McGill Quenn's University Press, 2013. 212 p.
13. Ruhlman M. Who participates in Global Governance? States, bureaucracies and NGO in the United Nations. London ; New York : Routledge, 2015. 176 p.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 марта 2017 г.

## THE ROLE OF THE UN IN THE NEW WORLD ORDER

*Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2017, 417, 75–79.

DOI: 10.17223/15617793/417/11

**Olga I. Ivonina**, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: [ivonina@ngs.ru](mailto:ivonina@ngs.ru)

**Keywords:** democracy transition; United Nations; International law; New World Order; global governance; Postmodernity.

The subject of this study is the “new world order” as a key concept reflecting the nature of contemporary international relations, as well as ways of representing this category in the postmodernist historical narrative at the turn of the 21st century. The author points to various interpretations of the “new world order” concept, caused by the difference in the socio-cultural, civilizational and geopolitical researchers’ optics. The multi-semantic nature of Postmodernity as a special stage in the world system development is aggravated not only with the ideological depth of this concept, but also with the heterogeneity and confrontation of theoretical and methodological orientations of the authors and their discursive practices. The substantial core of the debate about the contemporary international system nature was formed by the “democratic peace”, “cooperative security” and multiculturalism concepts. The main author’s objective was to study the United Nations evolution as the new world order institutional and regulatory basis. In its overview, the author specified the features of different approaches to the assessment of the UN and its role in the new world order, determined both by the objective changes in the international security agenda and by the nature of researchers’ political discourse within the postmodern paradigm. The author’s methodology involves the integration of historical, political and legal approaches to the study

of the new world order configuration and the UN's place in it. As a result, the author made the following conclusions. The concept of the "new world order" entered the lexicon of the international relations history at the turn of the 21st century to refer to the transitional stage of the world community development – from the Cold War confrontation to constructive interaction for the sake of peace, progress and global security. The main load-bearing structure in the architecture of the new "post-bipolar" world became multilateral diplomacy institutions and, above all, the United Nations as the only universal international organization capable to serve as not only a global security guarantor, but also the organ of global governance and the main new world designer. Evolution of the Organization powers, structures, agenda and functions for more than the 70-year period of its history made the UN a transitional type organization. Inclusion in its structure of sovereign and non-sovereign actors of the new world order (represented by non-governmental international organizations, multinational and regional communities, civil society institutions) allows the Organization to involve in the changing world politics agenda and to perform effectively its traditional and new functions.

#### REFERENCES

1. Ivonina, O.I. (2000) Tranzitivnost' kak predmet istoricheskogo diskursa [Transitivity as an object of historical discourse]. In: Udal'tsova, M.N. (ed.) *Sotsial'nye vzaimodeystviya v tranzitivnom obshchestve* [Social interactions in a transitive society]. Novosibirsk: NGAEiU.
2. Crawford, G. (2006) The World Bank and Good Governance: Rethinking the State of consolidating Neo-Liberalism? In: Paloni, A. & Zanardi, M. (eds) *The IMF, World Bank and Policy Reform*. New York: Routledge.
3. Ivonina, O.I. (2005) [Conflict and consensus in the American theory of international relations at the turn of the century]. *Istoricheskoe znanie v sisteme politiki i kul'tury* [Historical knowledge in the system of politics and culture]. Proceedings of the IV international conference in memory of Professor V.A. Kozyuchenko. Volgograd: Peremena. pp. 56–62. (In Russian).
4. Slaughter, A.-M. (2005) Security, Solidarity and Sovereignty: The Grand Themes of UN Reform. *American Journal of international Law*. 99. July. pp. 619–631.
5. Ikenberry, J. (2001) *After Victory. Institutions, Strategic restraint and Rebuilding of Order after Major Wars*. Princeton: Princeton University Press.
6. Ivonin, Yu.P. & Ivonina, O.I. (2016) Leviathan in search of world order. The problem of international security in the works of Hobbes and Kant. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 407. pp. 78–88. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/407/13
7. Ivonin, Yu.P. & Ivonina, O.I. (2014) Issue of international security in Kant's political theory. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*. 3. pp. 258–268. (In Russian).
8. Glennon, M.J. (2003) Why the Security Council Failed? *Foreign Affairs*. 82:3. May–June. pp. 16–35.
9. Paul, T.V. et al. (eds) (2014) *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. UN. (n.d.) *Global'nye voprosy povestki dnya OON* [Global issues on the UN agenda]. [Online] Available from: [www.un.org/ru/globalissues/index.shtml](http://www.un.org/ru/globalissues/index.shtml). (Accessed: 27th February 2017).
11. UN. (2014) *Predpolagaemye strategicheskie ramki na period 2016–2017 godov* [Anticipated strategic framework for 2016–2017]. [Online] Available from: [https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ\\_Sessions/CCPCJ\\_23/A-69-6-Prog13/A-69-6-Prog13\\_R.pdf](https://www.unodc.org/documents/commissions/CCPCJ/CCPCJ_Sessions/CCPCJ_23/A-69-6-Prog13/A-69-6-Prog13_R.pdf).
12. Staur, G. (2013) *Shared responsibility. The United Nations in the Age of Globalization*. Montreal: McGill Quenn's University Press.
13. Ruhlman, M. (2015) *Who participates in Global Governance? States, bureaucracies and NGO in the United Nations*. London; New York: Routledge.

Received: 01 March 2017